

С. И. Магдеев¹

КРИЗИС ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЧЕЛОВЕКА (Ортега-и-Гассет об антропологических основаниях кризиса цивилизации)

Цивилизация как понятие вызывает большие споры. Тем не менее в качестве эмпирического объекта она является очевидной и может быть описана как самое большое объединение людей. Будучи *объединением*, цивилизация живет по своим безличным законам. Но она представляет собой объединение *людей*. Возникает вопрос: «Как законы и логика, по которым живет цивилизация, соотношены с законами и логикой жизнедеятельности человека?». В предлагаемом докладе я попытаюсь рассмотреть этот вопрос на примере творчества испанского философа Х. Ортега-и-Гассета (1883–1955).

Ортега-и-Гассет описывает человека следующей формулой: «я есть я и мое обстоятельство». Совокупность возможностей бытия, из которых человек выбирает, дана как обстоятельства, то есть все, что человек обнаруживает, и становится его миром. Если первое «я» есть результат реакции на обстоятельства, то второе «я» — это сознание, которое, реагируя на обстоятельства, строит свое первое «я» как радикальную реальность жизни. Ортега-и-Гассет приходит к выводу, что человек есть максимально пластичное существо, не имеющее «элейского бытия». Он изначально и принципиально динамичен, есть *faciendum, a ne factum*². Жизнь не субстанциональна, она изменчива.

Но на чем же основаны выбор, реакция на обстоятельство индивида, принимающего решения? Отвечая на этот вопрос, Ортега-и-Гассет апеллирует к принципиальной историчности человека, его обращенности в будущее, нацеленности на совершенство. Реагируя на обстоятельства, которые обнаруживаются в процессе бытия, человек опирается на представление о том, кем он хочет быть, то есть на идеальный образ самого себя. Отсюда — вера в то, что идеальный образ самого себя и есть его истинное бытие. Со временем выбранный образ раскрывает свои недостатки, и обстоятельства вынуждают индивида понять, что его «жизненная программа» является ограниченной и необходимо выработать другую, не просто новую, а именно другую, чем первая (предыдущая): «*в нем продолжает действовать первый проект, который сохраняется для того, чтобы человек избегал его*»³. Первая программа, как потом вторая, третья и другие, становится негативным опытом, в результате которого «человек

“постепенно становится” (va siendo) и “убывает” (des-siendo) живя (viviendo). Он аккумулирует в себе бытие — прошлое, он se va hacienda — делает себя бытием в диалектическом ряду своих опытов.

Человек ограничивает свой выбор действия, представленный жизненной программой, основываясь не только на индивидуальном ряде опытов, но и в том числе на ряде опытов общества. «*Начинающая развиваться в индивиде человечность исходит от другой, уже развившейся и пришедшей к своей кульминации человечности... он аккумулирует уже установленный способ быть человеком...*»⁴.

Ортега-и-Гассет рассматривает две взаимосвязанные причины изменения общества, определяющие его исторический облик (характер эпохи): внутреннюю и внешнюю. Внутренний (духовный) сдвиг обусловлен сменой верований. А именно историчность человеческого существования на субъективном уровне находит выражение в диалектике идей и верований, которая схематически выглядит следующим образом. Идея как результат первичной индивидуальной реакции на обстоятельства получает распространение в обществе и закрепляется в верованиях. Верования, сталкиваясь с изменяющимися обстоятельствами, начинают ослабевать и образовывать бреши, в которые проникают новые идеи. Последние становятся началом новых верований и могильщиками старых. Внешний сдвиг обусловлен структурными изменениями, одним из которых является перераспределение власти.

Правление как реализация власти в обществе не является сугубо (или даже преимущественно) насильственной формой, а строится на поддержке народа, опираясь на общественное мнение. Однако «мнением» как неким представлением о «должном» реальности, способным стать несущей конструкцией общества, обладают не все люди.

Ортега-и-Гассет разделяет человечество на две части. Первая — это люди, которые при встрече с реальностью, жизнью (обстоятельствами, в которых себя обнаруживают) руководствуются некой жизненной программой, стремятся к чему-то высшему. Они составляют элиту. «*Это избранные, нобили, единственные, кто зовет, а не просто откликается, кто живет жизнью напряженной и неустанно упражняется в этом...*»⁵. Главное их состояние — динамическое взаимодействие с обстоятельствами. Второй тип людей — массы — лишен этого динамизма и являет собой лишь не-

¹ Магистрант факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова, бакалавр политических наук. Автор ряда научных статей, в т. ч. «Концепция национального государства в творчестве Ортега-и-Гассета» и др.

² Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды : пер. с исп. / сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. М. : Весь Мир, 1997. С. 457.

³ Там же. С. 467.

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Указ. соч. С. 471.

⁵ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : сб. М. : АСТ, 2002. С. 63.

обходимую реакцию на изменившиеся обстоятельства. Жизнь их проходит статично, им «не доступно никакое усилие, кроме вынужденной реакции на внешнюю необходимость...»¹.

Элиты формируют мнение масс, их представления о должном, о программах совместной жизни, тем самым направляя развитие общества. Речь идет именно о программе, ведущей вперед, в будущее. «Не бывает могущества без программы жизни, точнее — без программы могущественной жизни...»². В том, что элита задает массе возвышающую ее программу, заложен источник динамики общества.

Всякое наличное общество рано или поздно обнаруживает себя слишком малым, несостоятельным и неспособным для воплощения жизненной программы и начинает взаимодействовать с другими обществами. Так складывается двойственность отношений, основанная на внутренних верованиях и обычаях и на взаимодействии с другими обществами. Стремление преодолеть эту двойственность, привести ее к одному знаменателю ведет к созданию государства как общей основы различных общностей: «государство начинается с того, что принуждает сосуществовать группы, природно разобщенные... Государство прежде всего — план работ и сотрудничества»³. Это бесконечно расширяющаяся форма взаимодействия людей, основанная в первую очередь не на каких-либо генетических, лингвистических или иных признаках, а на совместной воле. Государство есть самый важный и наглядный продукт цивилизации, которая есть «прежде всего воля к сосуществованию»⁴. Цивилизация, отмечает Гассет, «есть опыт сведения силы к *ultima ratio*»⁵, в ней результируются формы человеческого взаимодействия друг с другом. И именно опираясь на эти формы, элиты выдвигают свои идеи. Механизм истории представляется постоянной, динамической формой взаимодействия элит и масс, внедрения элитами в массы своих идей, жизненных программ и принятия или неприятия последних массами. Сбой этого механизма ведет к упадку.

Именно таким сбоем, по мысли философа, является восстание масс. Основная историческая добродетель человеческой массы состоит в том, что она признает элиту и следует за ней. Исторически деструктивный, опасный для судеб цивилизации процесс, который Ортега-и-Гассет обобщил в понятии восстания масс, заключается в том, что масса возомнила себя элитой. Массовый человек зауряден, но дело не в этом. Существенно то, что он, «сознавая собственную заурядность, утверждает свое право на нее и не признает авторитета»⁶. Он напоминает самодовольного недоросля, который все получает легко и в изобилии, избалован материальным и гуманитарным достатком цивилизации и, самое главное, уверен, что все люди являются, да и должны быть такими, как он, и что он вправе «вмешиваться во все, навязывая свою убогость»⁷.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс.

² Там же. С. 134.

³ Там же. С. 154.

⁴ Там же. С. 73.

⁵ Там же. С. 72.

⁶ Там же. С. 126.

⁷ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 92.

Главная проблема, поставившая цивилизацию на край пропасти, состоит в том, что массовый человек ушел из субординационной формы взаимоотношений с элитами и стал властвовать. Помимо захвата власти, он решил выйти в поле идей, выдвигая свои представления о бытии. Но, не имея должного мыслительного аппарата для творчества и представления о действительности, массовый человек прибег к насилию, избегая диалога. «Отсюда и последняя новинка — оглушивший Европу лозунг “Хватит дискутировать”»⁸.

Одной из главных черт, которая делает невозможным дискурс с массовым человеком, является полная незаинтересованность последнего в истории цивилизации. Имея легкий доступ к благам, он начинает думать, что достижения цивилизации представляют собой естественный продукт и будут вечны. Массовый человек не изучает историю с позиции негативного опыта, как совокупность ошибок предыдущих поколений. А ведь, как было отмечено выше, именно исторический негативный опыт, задающий динамичный ряд «идея (первичная)—верование—идея—верование», является путем приближения к реальности. «Подлинное богатство человека — богатство человеческих ошибок, накопленный тысячелетиями жизненный опыт...»⁹. Массовый человек, замыкаясь в себе и не находя программы жизни, лишь вынужденно реагируя на обстоятельство, не ощущая вызовов времени, не зная, как вести диалог, действует насильственными и антиисторическими способами, принимающими форму исключения группы из сосуществования.

Рассматривая исторический контекст, Ортега-и-Гассет делал акцент на динамическом взаимодействии общества и власти. В его понимании общество, каким мы его сейчас представляем, возникло только в XIX веке. Дворянские аристократические фамилии олицетворяли собой жизнь, окрыленную и направленную вперед, у них были представления о доблести, чести и отваге. «Но при их душевных достоинствах у дворян было не ладно с головой... Непосредственные, нерасчетливые, одним словом, иррациональные, они живо чувствовали, но трудно соображали...»¹⁰. Такая историческая ситуация привела к ослаблению власти и усилению общества, что и привело к революционным событиям в Европе (1789–1848). В результате революции наиболее активный, одаренный «практической сметкой», как отмечает Гассет¹¹, класс буржуазии пришел к власти, сравнив силы общества и власти и создав мощное государство. «Буржуазия отобрала власть и, приложив к ней свои умелые руки, на протяжении одного поколения создала по-настоящему сильное Государство...»¹².

XIX век стал также веком коллективизма (в отличие от персоналистского либерализма XVII в.), когда общество начало довлеть над интересами индивида, появились развитая экспериментальная наука и промышленность (последние два Ортега-и-Гассет объединил в понятие техники), которые обеспечили массам оби-

⁸ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 71.

⁹ Там же. С. 206.

¹⁰ Там же. С. 110.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 111.

лие материальных благ, доступных прежде единицам¹. В таких условиях «массы» взбунтовались².

Для разрешения проблемы массового человека Ортега-и-Гассет предлагает идею «Соединенных Штатов Европы», которые бы привели политические границы в соответствие с уже сложившимся общественным мнением как основой власти. Это позволит преодолеть умственное разложение масс, вернуть

диалог как способ сосуществования, противостоять тенденциям к самоизоляции и политике так называемого прямого действия. Речь шла о цивилизационном обновлении Европы, новых формах ее исторической динамики, являющихся наследницами либерализма — процесса, который растянулся на столетия и одну из драматических стадий которого мы переживаем сегодня.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. С. 55.

² Там же. С. 62.